

«художникъ» исчезаетъ, а на мѣсто его появляется этически совершенствующій себя самъ авторъ, который, продолжая, какъ бы по инерціи, разъ начатую дѣятельность «писателя»,—пишетъ и проновѣдуетъ уже въ духѣ исключительно тѣхъ идеаловъ, съ которыми связано дѣло его собственнаго «я», его личнаго развитія? Откуда эта, если вѣрять діалогу Громеки съ гр. Толстымъ (Левинымъ) — «ненависть» къ своимъ «одинадцати томамъ»? какимъ образомъ то, что зажигало ваши сердца, вызывало общія одобренія, могло вдругъ оказаться простымъ *баловствомъ*? Слово это, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто и васъ сконфузило: какъ же такъ, думаете вы, любимый вашъ авторъ имѣлъ такое громадное вліяніе на васъ своими художественными образами, вы такъ привыкли ставить его личность, въ вашихъ глазахъ, на недосыгаемую нравственную высоту именно какъ *учителя*,—и, вдругъ, оказывается, что это онъ—такъ... «баловался», забавлялся отъ нечего дѣлать, а учить онъ начнетъ лишь теперь, съ XII-го своего тома?..

И откуда, опять таки спрашиваемъ мы, это непонятное стремленіе самихъ авторовъ—подорвать съ одной стороны, значеніе своихъ же собственныхъ художественныхъ произведеній, а съ другой—возвести на неподобающую высоту значеніе той ихъ субъективной дѣятельности, гдѣ на первый планъ высовывается ихъ «я», бюллетень о его моральномъ здоровьѣ и безконечныя описанія про *domo suo* своихъ опытовъ, удачъ и неудачъ въ этомъ направленіи? Иначе сказать,—откуда это *смѣшеніе* своей субъективной дѣятельности съ объективной, *этической съ эстетической*, смѣшеніе, благодаря которому мы, сами того незамѣчая, незамѣтно перескакиваемъ изъ одной области въ другую,— смѣшеніе, благодаря которому, напримѣръ, Гоголь, въ отвѣтъ тѣмъ, которые попрекали его, зачѣмъ онъ, оставивъ поприще, гдѣ